

Уэллс Тауэр

Дверь
в глазу

Wells
Tower
Door
in
your
eye

Тауэр Уэллс
Дверь в глазу

«Издательство Ольги Морозовой»

2009

УДК 821.111-3
ББК 84(7Coe)6-44

Уэллс Т.

Дверь в глазу / Т. Уэллс — «Издательство Ольги Морозовой»,
2009

ISBN 978-5-98695-050-1

Главные герои рассказов молодого американского прозаика Уэллса Тауэра – люди на грани нервного срыва. Они сами загоняют себя в тупик, выбраться из которого им по силам, но они не всегда этого хотят. Героев Тауэра не покидает ощущение постоянной тревоги и постоянной надежды на сопереживание. Проза Тауэра – это то и дело возникающие комические ситуации, неожиданно сменяющиеся ощущением чего-то ужасного. У Тауэра новая американская малая проза приобрела и новый язык – яркий, отточенный и хлесткий. Благодаря этому симбиозу Уэллса Тауэра сегодня называют «следующим лучшим писателем Америки».

УДК 821.111-3
ББК 84(7Coe)6-44

ISBN 978-5-98695-050-1

© Уэллс Т., 2009
© Издательство Ольги
Морозовой, 2009

Содержание

На побережье	6
Убежище	19
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Уэллс Тауэр Дверь в глазу

Wells Tower

Door in your eye

© 2009 by Wells Tower This Edition published by arrangement with Farrar, Straus and Giroux and Synopsis Literary Agency.

© Издательство Ольги Морозовой, 2012

© К. Артамонова, В. Бабков, В. Голышев, З. Гульдина, В. Кобенкова, Е. Колябина, М. Майорова, Е. Шульга, перевод, 2012

© Д. Черногаев, оформление, 2012

На побережье

Боб Манро проснулся ничком. Челюсть у него болела, орала утренние птицы, а в трусах наблюдался явный дискомфорт. Вчера он приехал поздно, спину ломило от долгого автобусного путешествия с севера, и он устроился на полу с поздним ужином из двух пачек крекеров. Теперь крекерные крошки были повсюду – под его голой грудью, в потных сгибах локтей, а самый крупный и подлый обломок застрял глубоко между ягодицами, словно кремневый наколочник угодившей туда стрелы. Вдобавок Боб обнаружил, что не может его достать. Во сне он придавил руки, и они онемели. Он попытался пошевелить ими, но это было все равно что пытаться двигать монету силой разума.

Проснувшись впервые в этом пустом доме, Боб ощутил, как день начинает давить на него. Лежа щекой на прохладном линолеуме, он содрогнулся и почувствовал, что где-то внизу, не так уж далеко спрятавшаяся в песчаной почве, к нему тянется смерть. Но шестеренки внутри него наконец повернулись и подняли на ноги.

Боб прислонился к стене, пережидая наплыв головокружения, потом удалил из задницы крекер и направился на кухню. Открыл холодильник – оттуда пахло кисловатой затхлостью плохо отмытого термоса. В морозилке валялись сморщенные кубики льда, Боб отковырнул один и сунул в рот. У него был вкус стираного белья, и Боб выплюнул его в пыльную расселину между холодильником и плитой.

За кухонной дверью был внутренний дворик, который Бобу полагалось привести в порядок. Сквозь трещины в камнях пробились чертополох и еще какие-то буйные сорняки. Деревесные корни, выпершие наверх высокими буграми, накренили в разные стороны стол и стулья из заплесневелого белого пластика. Боба слегка замутило от этой картины и мысли о том, сколько здесь предстоит работы.

Когда-то этим домом совместно владели его отец и дядя Рэндалл, который теперь, после смерти брата, не теряя времени, выставил дом на продажу. Шесть лет назад отца Боба убедили вложиться в эту недвижимость фактически не глядя, да и потом он приезжал сюда разве что разок-другой. Документы оформили так, что все тут же отошло к Рэндаллу, и Боб подозревал, что дядя, который был шестнадцатью годами моложе отца, рассчитывал на такой поворот событий с самого начала.

Рэндалл жил там же, где и Боб, в нескольких часах пути к северу. Когда отец Боба лежал при смерти, Рэндалл обещал ему позаботиться о том, чтобы у племянника все было в ажуре. За несколько недель, протекших после похорон, Рэндалл частенько заглядывал к Бобу ради моральной поддержки, хотя сочувствие обычно приводило его точнехонько к ужину и не позволяло уходить, пока в холодильнике не иссякало пиво.

В обществе дяди Боб всегда чувствовал себя неуютно: на масляных волосах Рэндалла неизменно виднелись свежие бороздки от гребешка, а на зубах он носил скобки, и это под пятьдесят-то лет!

Боб не был особенно близок с отцом. И для него, как и для его жены Вики, стало сюрпризом то, что смерть отца вогнала Боба в какую-то сердитую апатию, смешанную с отвращением к труду и семейной жизни. Он заметно расклеился и в дополнение к нескольким мелким просчетам совершил три крупных промаха, последствия которых предстояло заглаживать еще долго. Во-первых, пришел на службу с тяжелого похмелья, допустил грубый недосмотр на строительстве, в котором принимал участие, и вскоре потерял работу. Во-вторых, через пару недель въехал задом в машину местного адвоката; в результате столкновения у пострадавшего появилось пощелкивание в нижней челюсти, и он убедил присяжных, что лечение травмы обойдется в тридцать восемь тысяч долларов. Это на две тысячи превосходило сумму, оставленную Бобу отцом. Но хуже всего было то, что Боб попытался найти утешение от бед в обществе одинокой

женщины, с которой познакомился на курсах для нарушителей правил дорожного движения. Их роман кончился через две недели, и никакого счастья в нем не было – только унылая возня в полуподвальной квартирке, насквозь провонявшей кошачьим мускусом.

Незадолго до завершения этой истории Боб с женой ехали в город, и Вики, подняв взгляд, заметила на ветровом стекле над бардачком призрачный отпечаток женской подошвы. Она сняла сандалию, убедилась в том, что след не принадлежит ей самой, и сообщила Бобу, что в их доме ему больше не место.

Месяц Боб провалялся на кушетке у дяди, а потом Рэндалл придумал отправить его на юг. “Поживешь там чуток в моем пляжном домике, – сказал он. – У тебя просто хреновая полоса. Пораскинешь умишком, а там, глядишь, и перемелется”.

Боб не хотел ехать. Сначала Вики потребовала развода, однако потом начала смягчаться, и он был уверен, что со временем она пустит его обратно. Но Вики поддержала идею Рэндалла, и он решил, что в сложившейся ситуации лучше ей не перечить. К тому же со стороны Рэндалла это было великодушное предложение, хотя Боб не удивился, когда дядя, подбросивший его на автовокзал, вручил ему составленный загодя список заданий. Дом Рэндалла был малопривлекательным жилищем – шлакобетонный коттедж, покрытый облезшей розовой краской. Халтурно приклеенный светло-коричневый линолеум в гостиной оттопырился вдоль шва по всей длине комнаты. Деревянные панели на стенах за много лет покоробились от сырости и стали напоминать рельефную карту неприветливой горной страны. “Перешпак. гост.!” – указывалось в записке.

Прихожую без окон дядя, охотник-любитель, декорировал кое-какими из своих трофеев. Там было чучело броненосца. Голова аллигатора с выглядывающей из пасти оленьей мордой – юмор в духе Рэндалла. Лист фанеры с коллекцией сморщенных индюшачьих бородок. Над кухонной раковиной висело изображение пивной банки с автографом Рэндалла в нижнем правом углу. Выводя надпись “Будвайзер”, он явно очень старался, но, чтобы влезли все буквы, ему пришлось сделать середину банки пошире, и от этого она смахивала на змею, проглотившую крысу.

В темном углу гостиной булькал аквариум. Он был огромен – длиной с гроб и фута три в глубину – и пуст, если не считать бутылочки из-под тоника для волос, разбухшего трупа летучей мыши и еще нескольких предметов, плавающих на поверхности воды. Сама вода была гнилая и мутная, цвета мха, но аэратор по-прежнему трудолюбиво прошивал ее зелеными нитями пузырьков. Боб выключил его. Потом надел шлепанцы и вышел наружу.

Он пересек окривевший дворик. Из-под ног прыскали крохотные ящерицы. Ориентируясь на шум волн, Боб миновал группу сосен, лишенных веток и оттого похожих на привидения, и выбрался на дорогу, усыпанную устричными ракушками. Они так ярко блестели на утреннем солнце, что Боб невольно зажмурился.

Дом стоял на северной оконечности маленького островка, и, когда Рэндалл описывал его расположение, в душе у Боба ворохнулись радость и надежда. Он любил пляжи – за то, что прилив ежедневно окатывает песок, заново очищая его, за то, что люди обычно приходят на берег, чтобы с удовольствием отдохнуть. Но, поднявшись на холм недалеко от мостика, переброшенного через пролив, Боб с разочарованием увидел, что на этом островке нет и намека на нормальный пляж. Земля здесь встречалась с морем, образуя крутой грязевой обрыв, звенящий комарами и источающий отвратительный запах тухлятины. Как сказал ему вчера попутчик в автобусе, ближайший приличный пляж находился на другом острове за три мили от береговой линии и добраться туда на катере стоило двенадцать долларов. Все равно хорошо было бы окунуться, подумал Боб, но в этом конкретном месте ему пришлось бы вылезать из воды по грязи и идти домой запакощенным чуть ли не по пояс. Он повернулся и зашагал обратно.

Вскоре мимо него проехал желтый гольфмобиль с двумя блондинками.

– Здравствуйте, – сказала Бобу одна из них.

– Привет, – откликнулся он.

В этот момент на дорогу вылетел звон ударов металла о металл, а следом за ним – взбешенный мужской голос.

– Ах ты, зараза! – Голос принадлежал человеку, фигура которого была почти скрыта поднятым капотом “Понтиака”. – Сучье вымя, мать твою за ногу!

Блондинки повернулись в сторону сквернослова, неодобрительно поджав губы. Гольф-мобиль заскулил и покатил быстрее, но ненамного.

Поток ругани набирал силу, и даже гомонившие вокруг птицы примолкли. Этот чудак злится еще и на собственную злость, подумал Боб. Ему захотелось подкрасться к машине и выбить отпиленную ручку метлы, которая подпирала крышку капота, но он этого не сделал, а просто подошел и остановился сзади.

– Але, друг, – сказал Боб. – Ты тут не один вообще-то.

Человек вынул из-под крышки голову и уставился на Боба. Его лицо состояло в основном из щек – остальные компоненты были мелкими и косоватыми, словно наляпанными наспех. В руке он держал монтировку.

– А ты что за хер с горы? – спросил он скорее озадаченно, чем враждебно.

– Я Боб, – сказал Боб. – Живу вон там.

– У Рэндалла Манро, что ли? Рэндалла я знаю. Делал кой-чего с его кошкой.

Боб прищурился.

– В смысле?

– Я Деррик Трит. Ветеринар.

– Ну да, с автомехаником тебя не перепутаешь, – сказал Боб.

– Я этот генератор три часа ставил. А теперь он, падла, не крутится ремнем.

Боб более или менее разобрался в машинах и, заглянув под капот, быстро сообразил, в чем дело. Деррик неправильно установил натяжитель, прежде чем завернуть шарнирный болт. Боб исправил ошибку, и ремень аккуратно лег в желобок блока. Но двигатель все равно не запускался, потому что аккумулятор был разряжен. Бобу пришлось сбросить шлепанцы, упереться в бампер “Понтиака” и толкать его вперед, чтобы Деррик мог завести мотор на ходу. Когда это наконец произошло, автомобиль вырвался у взмогшего Боба из-под носа и унесся, оставив на дороге с полным ртом выхлопных газов.

Развернувшись, Деррик подъехал к нему и затормозил. Он прибавил обороты на холодном ходу и сложил губы трубочкой, подражая вою мотора. Потом протянул в окошко деньги.

– Слышь, на. Пять долларов. Стой-ка, у меня вроде семь было.

– Не надо мне ничего.

– Да ладно, – сказал Деррик. – Без тебя я бы весь день мордовался.

– Подумаешь, завинтил один винт.

– Я-то своей тупой башкой в жизни бы не допер. Тогда хоть пойдем ко мне и глотнем чего-нибудь прохладительного.

– Спасибо, – сказал Боб, – но я хочу попробовать как-нибудь добраться до воды.

– Если ты выпьешь стаканчик, океан за это время не высохнет, – заметил Деррик.

– Все равно для меня рановато, – возразил Боб.

– Слушай, брат, уже половина первого, и сегодня суббота. Давай садись.

Боб понял, что отшить нового приятеля будет сложнее, чем починить его машину. Он пожал плечами и залез в салон.

Те же горе-мастера, которые строили коттедж Рэндалла, соорудили и коттедж Деррика, только линолеум в нем положили синий, а не коричневый. Но здесь, по крайней мере, чувствовалось, что в доме живут. Пахло свежим кофе, а с мебелью хозяева даже переборщили. В

маленькую гостиную был втиснут гарнитур под старину, и в глазах рябило от заполонивших комнату резных фронтонок, шишечек и кружавчиков.

В кресле у окна сидела женщина, читая журнал и посасывая сигарету. Она была недурна собой, но слишком много времени провела на солнце, так что вся с ног до головы стала почти бордового цвета, будто индюшиная борода.

– Боб, это Клер, – сказал Деррик. – Клер, этот волшебник сотворил с нашей тачкой настоящее чудо. Взял ключик, повернул – хруп-хруп, и теперь она сама бежит, только держи.

Клер улыбнулась Бобу.

– Потрясающе, – сказала она и пожала ему руку, не обращая внимания на пятна от машинного масла. – Новичок здесь?

Боб признался, что да, и она сказала, что ей очень приятно. Потом добавила, чтобы он заходил в любое время, для него дверь всегда открыта и пусть он не стесняется.

Потом Боб пошел за Дерриком на кухню. Деррик вынул из холодильника две баночки из-под джема и водку в пластиковой бутылке.

– Эй, куколка, тебе капнуть? – крикнул он в гостиную.

Клер ответила положительно, и Деррик достал третью баночку. Затем плеснул во все три шампанского и пригасил поднявшиеся пузырьки замороженной водкой, густой, как сироп.

– Клер называет это польским коктейлем, – сказал он, протягивая Бобу его порцию. – Ее семья родом из Польши, а они там ребята серьезные. Я если выпью таких парочку, утром башка разламывается, а она может их весь день метать, и хоть бы хны.

Они вернулись в гостиную, и Боб сел на тахту. Деррик примостился на ручке кресла, обняв Клер за плечи.

– Чем занимаетесь, Боб? – спросила Клер.

– Да вроде как в бесплатном отпуске, – сказал Боб. Он глотнул из баночки, и по его животу разлился кисловатый жар. – Наверное, скоро опять буду плотничать, как раньше.

– Случилось что-нибудь? – спросила Клер.

– Дал маху с одной лестницей, и меня попросили на выход. Ну я и решил, что надо передохнуть и заодно обмозговать, что да как.

– Странно, – сказала Клер. – Из-за лестницы увольнять? Тоже мне, нашли повод.

Боб объяснил, что лестницу построить не так просто, что надо делать все ступеньки в точности одинаковой высоты – получится разница хоть в одну шестнадцатую дюйма, и люди будут спотыкаться.

– А я сам не знаю с чего взял и выпилил среднюю на шесть дюймов вместо восьми, какое-то затмение накрыло. Потом старик, хозяин дома, приехал проверять работу. Спускался по этой лестнице, хлоп – и упал, свалился до самого низу да еще ногу сломал. Тут явился адвокат с рулеткой, померил – и привет, в смысле – до свиданья.

– О чем я всегда и говорила, – сказала Клер. – Только в Америке человек может разбогатеть благодаря тому, что у него не хватает мозгов пройти по лестнице.

– Если честно, я не особо возражал, – сказал Боб. – Кость у него торчала так, что мороз по коже.

Клер поморщилась.

– Все равно.

Боб осушил баночку и поставил на стол.

– Ладно, спасибо, – сказал он. – Пожалуй, побегу.

– Слушай, да ты только пришел, – начал было Деррик, но в этот момент на кухне зазвонил телефон, и он отправился туда.

Клер окунула в свою баночку палец, а потом сунула его в рот. На тыльной стороне ладони у нее был шрам с рваным краем – розовый и нежный, он четко выделялся на коже цвета тушенки.

– Останьтесь, перекусите с нами, – сказала она. – В меню яичница и котлеты из лососины. На пороге кухни появился Деррик с трубкой беспроводного телефона. Он говорил в нее громким, профессионально-уверенным голосом.

– Как-как? Вы хорошо посмотрели? Головку видно? Ага, понял. Красная или беловатая? Ну, это нормально. Похоже, дело на мази. Выежаю. – Деррик вошел в гостиную. – Надо смотреть через мост, – сказал он. – Вытащить кое-что из лошадиной пиписки.

– Что? – спросил Боб.

– Жеребенка, надеюсь.

Прежде чем уехать, Деррик показал Бобу, куда идти, чтобы спуститься к морю. Стало гораздо жарче, и расплывчатое солнце горело в сером небе, как прожектор за простыней. Боб прошел через пересохший палисадник и с треском продрался сквозь засоленные кусты. Потом пошлепал дальше, слегка одуревший после выпитого, чувствуя, как надвигается головная боль от перегрева. На верху цепочки крутых дюн он остановился и посмотрел на воду. Она лежала внизу зелеными и синими пластами, в разбросанных там и сям нашлапках ветряной ряби, похожая на гигантское медное блюдо. У подножия гряды был длинный и гладкий каменный язык, который выдавался в море.

Боб начал спускаться, но здесь склон тоже был крутой, и ему пришлось просто съехать по нему на пятой точке. По дороге он набрал в шорты песок, а между пальцами ног у него застряли пасмы прибрежных сорняков.

Он побрел по каменной косе. Ветерок развеял сырую духоту дня и осушил пот на лице и груди. Он глубоко вдохнул соленый воздух, наслаждаясь чистым, бодрящим покалыванием в легких. Потрогал длинную траву, колеблющуюся в воде, как женские волосы. Присел на корточки, чтобы получше разглядеть морских желудей, которые слепо загребали перистыми усиками невидимую добычу.

Недалеко от конца косы Боб чуть не ступил в наполненную приливом расщелину. Она была большая, как ванна, и такая глубокая, что он не различал дна. К ее краю прилепилась парочка малиновых морских звезд. Боб их выудил. Они были твердые и немножко колючие, но симпатичные. Боб подумал, что прибьет их куда-нибудь для красоты, и положил добычу в футболку, оттянув ее снизу. Уже собравшись двигаться дальше, он заметил в синей глубине бассейна еще кое-что – великолепную рыбу фунта четыре весом, почти такого же темно-синего цвета, как вода. Она просто висела там, мягко шевеля ярко-желтыми плавниками. Это была рыба не из тех, которых едят, а из тех, на которых смотрят, – в зоомагазине такие продаются за хорошие деньги. Боб положил звезды на камни. Потом склонился над бассейном и опустил туда руки. Рыба не шелохнулась даже тогда, когда он подвел под нее растопыренные пальцы, но стоило ему попытаться схватить ее, как она метнулась к дальнему краю расщелины и вновь замерла, вяло пошевеливая плавниками.

Боб пополз к рыбе, огибая бассейн с восточной стороны, чтобы не отбрасывать на него тень. Потом снова опустил руку в воду, но не стал сразу кидаться в атаку. Опершись на край расщелины левой рукой, он наклонился и дал струйке слюны вытечь изо рта. Белая бусина упала в воду; чудесная рыба оживилась. Поразмыслив минутку, она подплыла и съела слюну. Наверное, подумал Боб, рыба оголодала в этой дыре – так объяснялись ее апатичность и то, с какой охотой она теперь кружила у поверхности, дожидаясь, пока с неба упадет еще одна порция ланча. Боб опять плюнул, и жадная рыба проглотила угощение. Тогда он собрал из глубины горла роскошный шматок и опустил его к воде на тонкой ниточке. Рыба застыла в ожидании. Когда плевок достиг поверхности, Боб подвел ладонь под брюхо доверчивой рыбы, рванул и, к своему изумлению, выбросил ее наружу. Она запрыгала по камням, и Боба охватила паника. Он содрал с себя футболку, окунул в воду и, накинув на бьющуюся рыбу, сгреб ее в охапку. Затем со всех ног побежал к дюнам, прижимая к себе спеленутую рыбу, которая

извивалась и колотила его по груди. Это было сильное, полное жизни ощущение, и у Боба мелькнуло в голове, что беременные женщины, возможно, чувствуют то же самое, когда у них в животе брыкается ребенок.

Боб рысцой пересек двор Деррика. Клер в купальнике сидела на бетонном крыльце. Она помахала ему, и он крикнул что-то в ответ, но не остановился. Он бежал со шлепанцами в руке и ругал острые ракушки под ногами.

Примчавшись домой, он пинком распахнул сетчатую дверь и вывалил рыбу в аквариум. Она опустилась вглубь, а потом медленно всплыла наверх, глядя на Боба невидящим глазом.

– Ну-ну. Так не пойдет, подруга, – с суровой жалостью сказал Боб.

Он сунул под нее руку и привел грязную воду в движение, прогоняя ее сквозь жабры. Скоро рыба опять зашевелилась. Тогда он вынул бутылочку из-под тоника и дохлую мышь и бросил их на пол. Рыба, потерявшая на камнях кусочек нежного хвоста, равнодушно подплыла к краю аквариума и принялась глотать укрепленный в углу столбик.

Взяв жестяной ковш, Боб, как половником, вычерпал им почти всю старую гнилую воду, оставив только чуть-чуть, чтобы рыба не задохнулась. Потом убрал оттуда остальной мусор – бутылочные крышки, голову куклы и два с лишним доллара мелочью. Потом он нашел на кухне большую кастрюлю и натаскал из моря чистой воды. Это заняло сорок пять минут – снова и снова лазить по дюнам с кастрюлей, которая все время норовила расплескаться, – но когда аквариум наконец оказался полон, Боб отступил от него и залюбовался, довольный.

Рыба плавала ровными кругами и, похоже, не обращала внимания на крошечных белых рачков, попавших в ее новое жилище вместе с морской водой.

Швы еле заметно подтекали, и Боб тщательно законопатил их герметиком, найденным под раковиной. Потом прогулялся в ближайший магазин и купил рыбьего корма двух сортов. Принеся корм домой, насыпал в аквариум по щепотке того и другого, чтобы проверить, какой понравится его рыбе больше.

Вечером Боб одолжил у Деррика и Клер раскладушку и поставил в гостиной. Взял лампу, приладил за аквариумом и включил. Ему не нравился этот дом, пропахший давно съеденной едой, звенящий насекомыми, которых заносило ветром в окна без сеток. Лежа в постели и дожидаясь сна, Боб смотрел, как его рыба, такая большая и безмятежная, парит в подсвеченной воде, и чувствовал, как в душу нисходит покой.

Некоторое время рыба медленно плавала вдоль стеклянных стенок и косила на Боба круглым глазом в золотом ободке. Потом вдруг замерла посреди аквариума, содрогнулась и стала выдувать изо рта полупрозрачный белесоватый пузырь. Боб сел на койке, замороженно глядя на нее. Пузырь дрожал в воде, но не лопался. Когда он вырос до размеров баскетбольного мяча, рыба скользнула внутрь и будто заснула.

Утром Боб вышел во дворик. Выглядело все это безнадежно. За то мизерное вознаграждение, которое туманно обещал Рэндалл, не стоило возиться даже с прополкой, а уж о том, чтобы вынимать плиты и мостить здесь все заново, как предлагала инструкция, и речи быть не могло. И все же он решил выдернуть пару сорняков, чтобы после обеда с чистой совестью сидеть на берегу и глазеть на волны.

Работая, он начал злиться – сначала на Рэндалла, который за шесть лет, прошедшие со времени покупки дома, разве что махнул метлой разок-другой, а потом и на себя – за то, что впервые с давних времен его вынудили заниматься таким идиотским делом. Боб вместе с товарищами построил пять домов, от фундамента до крыши. Он смастерил дом и для них с Вики, и когда она увидела его законченным, прямо-таки засияла от радости. Какая у них была замечательная, правильная жизнь! И до какого позора он докатился по своей же вине: ползает на четвереньках, точно животное, выдирая из земли колючки и какую-то дрянь с желтыми яго-

дами, от которых руки воняют гнилыми зубами, сверху печет солнце, а рядом нет никого, кто посочувствовал бы ему, исцарапанному с ног до головы, и принес попить чего-нибудь холодненького.

Когда сорняки были уничтожены, никакого удовлетворения это не принесло. Дворик сделался поопрятнее, зато бугры, образованные древесными корнями, так и лезли в глаза. Бобу стало обидно за потраченные зря усилия, и вопреки первоначальному намерению он принялся за плиты. Выворотив их и сложив в сторонке, он атаковал корни – молодые, посветлее, вытаскивал голыми руками, а самые толстые, сосновые, рубил ржавым топором Рэндалла. Это заняло едва ли не целый день, и под вечер, когда Боб закончил работу, все тело ломило, а лицо и руки прилично обгорели.

Боб пошел в дом и разболтал в воде из-под крана пакетик старого фруктового концентрата, но ему даже не удалось отбить ее сернистый привкус.

Потом он отправился на берег, прихватив кастрюлю. Деррик был у себя во дворе, и Боб пожалел, что не обошел его дом с другой стороны.

Увидев Боба, Деррик встал с кресла, в котором сидел, и призывно замахал. На нем были зеленый пластиковый козырек и самые куцые джинсовые шорты, какие Боб когда-либо видел на мужчине.

– Эй, дружище! – сказал Деррик. – Куда собрался?

– Хочу малость помочить ноги, – ответил Боб. – Весь день вкалывал, как негр.

– Чего делал?

– Говно убирал.

– Звучит оптимистично, – сказал Деррик. – А я встал в пять утра – накладывал кисетный шов свинье с выпадением прямой кишки. Кастрюля-то тебе зачем?

– Не знаю, – сказал Боб. – Думал, может, выловлю там какую-нибудь живность.

– Ясно. Погоди-ка. – Деррик зашел в дом и вынес оттуда выцветший зеленый сачок с алюминиевой ручкой. – Держи. Давай я с тобой пойду, не против?

Боб пожал плечами.

Они съехали по дюнам и выбрались на косу. Солнце было оранжевое и скользкое на вид, как консервированный персик.

Боб потрогал ногой мягкую воду.

– Я пошел, – сказал он, расстегивая ремень.

Деррик отскребал с камня какое-то пятнышко и отреагировал не сразу.

– Куда? – спросил он. – Купаться?

– Да, – ответил Боб. Он сбросил шорты и побрел в море.

– Прямо так, без ничего?

Боб не ответил. Он окунулся в воду, густую и теплую, словно косметическое молочко, и поплыл. Даже когда он перестал двигаться, вода точно подталкивала его снизу, удерживая на поверхности.

– Ладно, – сказал Деррик. – Только не смейся, что у меня такой маленький перец.

Он тоже снял шорты. Боб скользнул глазами по жалкому кошельку для мелочи, который болтался у него между ног, и отвел взгляд. У него хватает своих проблем, а Деррик пусть сам разбирается со своими. И он погреб дальше.

Морское дно круто уходило вниз, и, отплыв на несколько футов, Боб уже не смог достать его ногами. Он нырнул в зеленую глубину и некоторое время парил в ласковой прохладе, куда не проникал солнечный жар. Хорошо было бы и вовсе остаться там, но как? Легкие были полны воздуха, и скоро он почувствовал, что его спина выступила из-под воды.

К берегу осторожно спускалась Клер в махровой юбке и купальном лифчике леопардовой расцветки. Она помахала Бобу.

– Назад, Клер! – крикнул Деррик. – Боб у нас нудист, он и меня подбил.

– Вижу, – отозвалась Клер.

Дерзко, как спортсменка, она одним движением избавилась от лифчика, потом скинула и юбку. Кожа на ее груди и округлых бедрах казалась нежной, новой и белой, как парафин. Боб поплыл прочь от косы, глядя на Клер и разгребая воду ободранными руками. Он видел, как она вошла в зеленоватые волны.

Это зрелище заставило его подумать о том, сколько миль лежит теперь между ним и его собственной женой и как трудно будет снова сократить это расстояние. Понадобится много разговоров, много сил – больше, чем на сотню дворигов. Это была обескураживающая мысль, и под ее гнетом Боб снова ушел под воду.

Когда он выкарабкался на косу и стал надевать шорты, солнце клонилось к закату. Деррик с Клер были еще далеко в море – их головы то исчезали за гребнями волн, то опять показывались в поле зрения.

Он подошел к яме среди скал и увидел, что последний прилив наполнил ее удивительными существами. Прямо у поверхности воды дрожала стайка пунцовых рыбешек. К скале приник маленький голубой осьминог, не больше детского кулачка, а неподалеку от него прилестилась желтая улитка. Боб взял орудие, предложенное Дерриком. Рыбки легко ускользнули сквозь ячейки, но когда Боб напал на осьминога, тот запаниковал и прыгнул прямо в сачок. Боб посадил его в кастрюлю, а потом оторвал пальцами улитку.

Вскоре Деррик вылез из воды и подошел посмотреть улов.

– Карибский рифовый осьминог, – сказал он. – Вообще-то они водятся южнее, но на смене сезонов, когда море остывает, течение начинает шалить и подбрасывает этих чудиков сюда.

С запада надвигалась дымчатая грозовая пелена.

Клер тоже выбралась на камни, приседая, точно спринтер, чтобы сохранить равновесие и не поранить колени. Затем наклонилась и, обхватив пальцами свое темное бедро, провела по нему рукой, стряхивая серебристую водяную пленку. Боб смотрел, как она очищает таким же образом вторую ногу, и это было до того красиво, что у него запершило в горле. Деррик продолжал распространяться о течениях и морской фауне, и Боб кашлянул в кулак.

– Есть еще Харланс-ридж, небольшой подводный хребет вон там, примерно за милю от берега. Он отщепляет от Гольфстрима кусочек и направляет в нашу бухту, а вместе с ним сюда попадает много разной живности в течение всего года. Скаты-орляки, черепахи, морские ерши, всякие случайные твари, которых заносит бог весть отсюда.

Клер положила руку на плечо мужа. Она слизнула капельки морской воды, которые блестели на ее верхней губе, покрытой выгоревшим белесым пушком.

– Помнишь ту корифену в прошлом году? – спросила она.

– Дорадо, – сказал Деррик. – Они живут на глубине, но эта угодила сюда, здоровенная – во! Мы ее сварили в кокосовом молоке. Знаешь, дружище, за много лет я слопал из этой дырки столько деликатесов – наверное, на тысячу долларов. Без шуток. Тут же ямища ого-го какая. Недавно я с грузиком и леской в сорок футов... постой-ка...

Он умолк и взял у Боба сачок. На дальнем конце бассейна появился угорь цвета хаки, длиной дюймов в восемнадцать. Деррик на цыпочках подкрался к нему и поймал быстрым взмахом сачка.

– Ангвилла рострата, – сказал Деррик. – Американский угорь. Мелковат, правда, но можно зажарить на гриле.

– Нет-нет, – сказал Боб. – Дай сюда. Я хочу его оставить.

– Знаешь про них одну вещь? – продолжал Деррик, все еще не выпуская из рук добычу. – Эти угри и европейские – и те, и те рождаются в Саргассовом море. Одних Гольфстрим приносит сюда, а другие отправляются аж в Европу. Абсолютно одинаковые рыбы, зависит от того, где поймал.

Пока Деррик говорил, угорь перебрался через обруч и, быстро извиваясь, пополз к воде. Деррик кинулся за ним. Он вернул беглеца в сачок, но по ходу дела тот успел как следует цапнуть его за палец. Ругаясь, Деррик бросил угря в кастрюлю.

– Ты только что потерял права на этого стервеца, Боб, – сказал Деррик и сунул окровавленный палец в рот. – Теперь ему не миновать свидания с горячими угольями.

Но Боб подхватил кастрюлю и понес к дюнам.

Шло время, и жизнь Боба вошла в ровную колею: днями он работал, а вечерами, под настроение, болтал с соседями или, когда настроения не было, гулял по берегу. Он населил аквариум множеством новых обитателей: теперь в нем жили еще рак-отшельник, морские коньки, маленькая рыба-собака.

Однажды они с Дерриком сели в его “Понтиак”, поехали на ближайший мол, забросили там донку, наживив ее шкварками, и наловили морских сомов.

Они привезли их в дом Рэндалла, и туда же пришла Клер. Увидев аквариум Боба, она невольно поднесла руку ко рту и сказала: прямо не верится, что он вытащил все это из моря. Потом взяла их улов, чтобы почистить. В детстве, призналась она, отец всегда заставлял ее чистить свежую рыбу. Тогда она ненавидела это занятие, а теперь стала находить в нем удовольствие.

Выйдя во дворик, Боб смотрел, как Клер прибавляет сомов за головы к куску фанеры и окатывает их кипятком из чайника. Потом она сделала складным ножом несколько надрезов, взяла специальные плоскогубцы и аккуратно сняла кожу целиком, обнажив снежно-белое мясо. Нарезала рыбу кубиками, обваляла их в панировке, заранее купленной в магазине, и высыпала в кипящее масло.

Они устроились на свежем воздухе и поужинали с картонных тарелок.

– А неплохо у тебя тут все получилось, – сказала Клер Бобу, оглядывая отремонтированный дворик. Она открыла уже четвертую банку пива, и в ее голосе было не слишком много теплоты. – Может, и у нас кое-что подлатаешь? Я думала застеклить парадную дверь, а еще хорошо бы вставить в крышу парочку дешевых окон. Хотя, будь мы поумнее, сожгли бы эту дрянь к чертовой матери и начали с нуля.

– Зачем так говорить, Клер? – возразил Деррик. – Мы нормально живем, а ты как скажешь что-нибудь...

– От правды не уйдешь, – сказала Клер.

У Боба не было никакого желания это слушать. Он снял с губы крошечную косточку и стрельнул ею в темноту.

– Я, может, сбегу через денек-другой, – сказал он. – Присмотрите за моим зоопарком, пока меня не будет?

На следующий вечер он отправился в поселок, который был на острове, чтобы позвонить из тамошнего магазина. На потолке таксофонной будки зудела большая галогеновая лампочка, и в ее желтом сиянии ошалело толклись мошки, похожие на облачко конфетти. Он заправил в щель горсть четвертаков. Подождал. Трубку снял мужчина.

– Привет, Рэндалл, – сказал Боб.

– Здорово, племяш, – ответил Рэндалл. – Как успехи?

– Средне, – сказал Боб. – Дворик твой я отремонтировал. Шкафчики подкрасил.

– Вот спасибо. Что бы я без тебя делал! У самого бы никогда руки не дошли, но, знаешь... в общем, ты молодец. – Наступила пауза, потом Рэндалл чихнул в телефон. – А как там стены?

– Стены хреново и лучше не станут, – сказал Боб. – Не потащу же я новые панели из магазина на своем горбу.

– Неужто нельзя кого-нибудь поймать, чтоб подбросил? Или взять пикапчик в прокат? – сказал Рэндалл. – А может, у них доставка есть. Черт, ну я не знаю, Боб, разберись как-нибудь.

– Что ты делаешь в моем доме? – спросил Боб.

В ответ Рэндалл пробормотал что-то невнятное. Потом трубку взяла Вики и поздоровалась.

– Привет, Вик, – сказал он.

– Ну, как у тебя дела?

– Шикарно, – сказал Боб. – Нашел во дворе нефть. Теперь заливаю шампанским и справляю нужду в золотой унитаз. Нанял прислугу, чтобы кормили меня с ложечки черной икрой. Но вся эта роскошь мне малость поднадоела. Думаю, не пора ли вернуться.

– Хм, – сказала она. – Нам надо кое о чем поговорить.

Боб спросил, о чем, но Вики ответила не сразу. Она сказала, что любит его и что сильно о нем беспокоилась. Сказала, что он вел себя очень неразумно и что ей жаль его. Сказала, что ей было тяжело без него, но, как она ни старалась, пока ей не удалось придумать, ради чего она могла бы сейчас принять его обратно. Бесстрастным тоном адвоката она перечислила недостатки Боба. Это звучало так, словно она составила их длинный список заранее, с указанием дат и свидетелей, выделив жирным шрифтом самые важные места. Боб слушал и чувствовал, как у него холодеет внутри.

Он увидел, как из-за автомата с газировкой вышла мышь. Она ела талончик.

– Может, скажешь лучше, что Рэндалл делает в нашем доме? – прервал он жену. – Может, мы лучше это обсудим?

– А может, мы лучше ничего не будем обсуждать? – сказала она. – Мне спокойнее, когда я вообще про тебя забываю.

Боб вздохнул и принялся вяло, сбивчиво извиняться, но Вики не отвечала, и он догадался, что она отняла трубку от уха и держит ее на отлете, как бывало, когда звонила ее мать. Тогда он вернулся к своей предыдущей теме, где чувствовал себя более уверенно, и начал выразительно объяснять, что он сделает с дядей, если тот будет лезть куда не надо.

– Слушай, напиши это все в открытке, а? – сказала она. – У меня сейчас макароны убегут. Ладно, всего хорошего. Не пропадай.

– Эй, постой, черт побери, – начал было Боб, но Вики повесила трубку раньше, чем он успел сказать то, что действительно хотел сказать.

Когда Боб возвращался домой, закат почти угас. Он миновал единственный бар в поселке и слышал, как там смеются мужчины и женщины. Повернул у торговой точки, под которую местные жители переоборудовали старый гараж, украсив его вместо вывески обычной доской с криво выжженными буквами. Пройдя мимо почты, он выбрался на дорогу к дому и зашагал в сгущающихся сумерках.

Он уже ложился спать, как вдруг пришел Деррик. Он открыл дверь без стука.

– Чтоб тебя! – вырвалось у Боба.

Деррик ввалился в дом на подгибающихся ногах. Шатаясь, довольно долго озирался комнату, прежде чем заметил Боба, сидящего на раскладушке.

– Вставай, – сказал Деррик. – Мы с тобой едем в город.

Боб вздохнул.

– Иди домой, орел, – сказал он. – Где Клер?

– Пошла она в жопу, – сказал Деррик. – Она меня обругала, понял? Она меня не уважает и говорит со мной не... неподобающе. Теперь мне на нее насрать. Давай, поехали на Кокосовый пляж и перетрахаем там все, что шевелится.

– Сядь, – сказал Боб. – Сейчас налью тебе выпить.

– Хорошая мысль, – согласился Деррик.

Боб пошел на кухню, наболтал в кувшине шипучки и налил в чашку. Когда он вернулся, Деррик лежал на полу, с присвистом посапывая во сне. Разбудить его Бобу не удалось. Тогда он повернул Деррика на бок, прикрыл одеялом, а сам лег на раскладушку.

Скоро его начало смаривать, но тут в дверь постучали. Потом она приоткрылась, и в комнату заглянула Клер.

– Он тут, дрыхнет без задних ног, – сказал Боб. – Я его тряс, но без толку.

Клер перешагнула порог.

– Да пусть спит, – сказала она. – Я тебе кое-что принесла.

Клер включила лампу. В руках у нее была стеклянная салатница, полная воды. На дне лежала какая-то бурая крапчатая штуковина. Это была продолговатая губка в колючих красноватых наростах – Бобу она показалась похожей на кашку человека, который ел рубины.

– Что это? – спросил он.

– Точно не знаю. По-моему, морской огурец. Сегодня нашла, – сказала Клер. – Страшный как смертный грех, правда? Может, если остальные рыбы его увидят, у них самооценка повысится. Возьмешь?

– Ага, – сказал Боб.

Она отодвинула крышку аквариума и вылила туда содержимое салатницы. Потом проплепала к раскладушке Боба.

– Ты уже все на сегодня или еще способен к общению? – спросила она.

Он провел ладонью по впадине за ее коленом, потом убрал руку. Она опустилась на колени рядом с раскладушкой. Он сунул руку под ее волосы на затылке, взял за шею. Она издала мягкий, коротенький горловой звук.

– Хочешь, чтобы я легла к тебе? – спросила она.

– Да, но не надо, – сказал Боб.

– Почему?

Он не ответил. Нахмурившись, она подождала с минуту. Потом погасила лампу и улеглась на полу рядом с мужем.

Боб проснулся рано. Клер громко храпела. В комнате стоял густой дух перегара. Клер свернулась калачиком в объятиях Деррика и стиснула в кулаке его большой палец. Когда Боб пошевелился, ее глаза на мгновение открылись, потом опять закрылись.

Солнце едва вылезло из-за горизонта и пронизывало комнату косыми лучами. Боб глянул в ее дальний конец и понял, что с аквариумом не все в порядке. Там не было видно ни угря, ни фантастической рыбы с длинными желтыми плавниками. Он подошел и обнаружил, что все они плавают наверху одним толстым, бугристым слоем. Посередине опустевшего аквариума парило слизнеподобное существо, принесенное Клер. Оно изгибалось и сокращалось, резвясь за стеклом в счастливом одиночестве.

Боб еле подавил позыв к рвоте. Он сжал руку в кулак и ударил в самый центр стекла. Но этого оказалось мало, и он нанес еще два удара, вложив в них весь вес. Резервуар качнулся назад, потом обратно – и грохнулся на пол с оглушительным мокрым хлопком. Стекло разлетелось вдребезги, и мертвые и умирающие твари хлынули по всей комнате.

Клер вскочила, когда волна достигла ее. Деррик спал, прижавшись щекой к полу; он набрал полный рот аквариумной воды, сел и отплевался, не успев толком открыть глаза. Потом увидел у себя на коленях рака и перевел на Клер с Бобом недоуменный взгляд – в нем читался вопрос, на который нелегко было дать разумный ответ.

– Кто-нибудь может мне сказать, что за херня здесь творится? – спросил он.

Боб попытался ответить, но у него в глотке пересохло до боли. Под его ногой застряла большая улитка. Он наклонился, поднял ее и сжимал в пальцах, пока раковина не хрустнула. Слизень лежал у плинтуса, запутавшись в комке волос и другого мусора.

– Клер, – наконец сказал Боб, тяжело дыша. – По-моему, твой слизняк убил всех моих рыб.

Он нагнулся и подчерпнул существо кофейной чашкой.

– Да это голотурия, морской огурец, – сказал Деррик. – Они же ядовитые, как последние суки. Нельзя сажать этих уродов вместе с другими рыбами. Слушай, так это ты его принесла, крошка?

– Ну да, вчера вечером, но я...

– Черт тебя подери, Клер, неужто нельзя было сначала показать его мне? Я бы тут же объяснил тебе, елки-палки...

– Ничего, – сказал Боб.

– Нет, брат, – сказал Деррик, глядя на усеявшие пол трупы. – Это не ничего, это облом. Полный облом – вот что это такое.

– Ох, Боб, мне так жалко, – сказала Клер. – У меня просто нет слов...

– Подумаешь, беда, – пробормотал Боб.

– Надо же, какая гадость, – сказала Клер. – Спусти его в туалет.

– Насыпь ему соли на хвост, – посоветовал Деррик. – Пусть ответит за все.

Но Боб почувствовал, что у него есть что-то общее с этим слизняком. Родись он в морских глубинах, подумал он, Бог вряд ли украсил бы его желто-голубыми плавниками, как чудесную мертвую рыбу у него под ногами, и вряд ли наделил бы его стройным телом, как у барракуды, акулы и других грациозных хищников. Нет – наверное, он был бы кем-то вроде этого морского огурца, созданного по образу и подобию экскрементов и проклятого химической отрыжкой, убивающей все прекрасные создания, которым случится проплывать мимо.

– Нет, я выброшу его обратно в море.

Неся перед собой чашку, как дозорный – факел, Боб вышел через заднюю дверь. Клер с Дерриком двинулись следом, обсуждая подержанные аквариумы, которые продаются в Сент-Винсент-де-Поле, и то, как в понедельник они поедут туда и купят Бобу самый лучший, в пятьдесят галлонов, за свой счет.

– Обязательно, – сказала Клер. – А потом поедem в “Мир животных Дьюби” и наберем тебе таких шикарных зверюг, каких у тебя никогда не было.

– Ладно, посмотрим, – ответил Боб отрешенно.

Выйдя на конец скалистой косы, они с удивлением заметили вывернувшийся из-за южной стороны островка парусный катамаран. Проскользив по водорослям в устье бухты, он вышел на чистую открытую воду. У руля сидел на корточках молодой капитан, довольный и самоуверенный, – локоть оттопырен, розовый кулак на широком бедре. На черной перепонке между корпусами сидела по-турецки его девушка, потягивая апельсиновый сок из бокала с короткой ножкой. Она была в желтой мужской рубашке на пуговицах с завязанными узлом полами, так что из-под нее виднелся белый купальник, ярко сверкающий в рассветных лучах. Оба поглядывали друг на дружку со счастливым видом юных заговорщиков, которым удалось улизнуть, избежав унылого уик-энда в кругу семьи. Обогнув косу, они церемонно помахали стоящей там троице, словно Боб, Деррик и Клер вышли туда исключительно ради того, чтобы пожелать обаятельной парочке доброго пути.

Клер и Деррик ответили им улыбками и помахали вслед. И Боб Манро тоже улыбался – даже когда отвел назад руку и длинным, свободным взмахом запустил слизняка в золотисто-голубое утреннее небо. Это был правильный, сильный бросок, и тварь вполне могла бы

шлепнуться прямо на колени хорошенькой девушке, если бы порыв теплого ветра, налетевший с суши, не отогнал парусник еще дальше в море.

Перевод Владимира Бабкова

Убежище

Иногда, только иногда, обычно после пяти-шести порций коктейля, идея позвонить моему младшему брату начинает казаться разумной. Требуется немалое количество растворителя, чтобы смыть кое-какие темные пятна в нашем общем прошлом – например, память о том, как в мой девятый день рождения Стивен, тогда шестилетний, подкрался ко мне сзади на берегу пруда в парке Амстеда и толкнул в спину. Воды там было всего ничего, и я сделал несколько судорожных шагов, как корова на льду, а потом хлопнулся лицом вниз в грязную жижу. Мои друзья чуть не померли со смеху. Мать уложила Стивена к себе на колени и до красноты отшлепала по ногам твердой стороной щетки для волос, но в глазах моих гостей это лишь укрепило его репутацию маленького героя-комика, готового пострадать за свое искусство.

Или тот случай в одиннадцатом классе, когда я получил в школьной постановке “Бриоллина” роль спутника девицы, которую играла некая Доди Кларк. Среди хаоса танцев и хулиганских разборок мы с ней изображали почти незаметную пару и обменивались разве что одной-двумя репликами. Доди была мышеподобная девочка со срезанным подбородком и крупными зубами, по-собачьи выдающимися вперед. Она меня совершенно не интересовала, и тем не менее, глядя на нас вместе, Стивен умудрился вспылать ревностью. Он пошел на штурм, бомбардируя Доди постерами, сувенирными ручками, наклейками и хрустальными безделушками, разбрасывающими по подоконнику радужные лучи. Натиск увенчался успехом, но, когда Доди наконец опасливо приоткрыла губы навстречу поцелую моего брата, его – как он сам признался мне годы спустя – вдруг парализовало. “Эти зубищи! Все равно что целоваться с песчаной акулой. Ей-богу, не пойму, зачем я тогда вообще к ней прилип”. Но я-то знаю зачем, и он тоже: просто Стивену всегда была невыносима мысль, что мне может достаться хотя бы крошечное удовольствие, которого он не отведал первым.

Или весенний день, когда мне было шестнадцать, а Стивену тринадцать и он застал меня в своей спальне, где я слушал его записи. То, что в мои уши вливалась обожаемая им музыка, безнадежно осквернило ее, так что он собрал все диски, которые я успел прокрутить, и один за другим расколотил об угол письменного стола, а потом попросил меня показать, какие еще мне нравятся, чтобы разбить и их.

Или то зимнее утро, когда матери не было дома и я добрый час продержал Стивена на крыльце в одной пижаме, с удовлетворением глядя сквозь заиндевшее стекло, как он, самозабвенно рыдая от ярости, колотит в запертую дверь. Не могу объяснить, зачем я все это делал, – внутри меня словно сидел маленький бесенок, для которого гнев брата всегда был сущим нектаром. Припадки Стивена, его вспышки экзотической ненависти напоминали порнографию навыворот, завораживали, как откровенные любовные сцены. Я все еще смеялся, когда после часовой пытки холодом впустил Стивена домой и в знак примирения налил ему кружку густого горячего какао. Он стиснул ее в розовых обмороженных пальцах, выпил, а потом схватил консервный нож, запустил в меня и глубоко рассек кожу под нижней губой. Теперь в моей утренней щетине белеет двухдюймовая скобка шрама – точно кривая ухмылка того самого бесенка.

Но полудюжины бокалов хватает, чтобы окрасить тягостные воспоминания о наших давних конфликтах в простые и грустные тона. При мысли о брате на глазах выступают слезы и меня переполняет горькое сожаление о тридцати девяти годах, за которые нам не удалось сблизиться.

Такая печаль овладела мной как-то вечером, в октябре, на пятом стаканчике ямайского рома. Я стоял в Арустукском округе штата Мэн на горе, которую недавно приобрел в собственность. В густых сумерках я забрался на вершину, вдыхая водянистую сладость люпина, папо-

ротника и мха. Над головой в темнеющем небе пикировали на мошкарку летучие мыши. Я провёл в этом краю четыре месяца, но так и не охладел к его прелести.

Мы со Стивеном не общались с самой весны, но сегодня, когда закат за стесанными клыками Аппалачей еще тлел, я почувствовал, как трудно сладить со всей этой красотой в одиночку. Зима была на пороге, и мне захотелось услышать голос брата. Сеть здесь ловилась только с вершины, так что я набрал его номер сразу.

– Стивен Латтимор слушает, – ответил он тихо и напряженно, будто готовился в случае чего дать отпор.

Всего трех слов оказалось достаточно, чтобы в моем настроении появилась трещинка.

– Стивен? Это Мэтью.

– Мэтью, – повторил он таким тоном, каким больной мог бы сказать “рак”, услышав диагноз врача. – У меня клиент.

Стивен зарабатывает на хлеб профессией музыкального терапевта.

– Ага, – сказал я. – У меня к тебе вопрос. Как ты относишься к горам?

Наступила осторожная пауза. С того конца линии доносились звуки насилия над тамбурином.

– Пускай стоят, – наконец ответил он. – А что?

– Да я тут одну купил, – сказал я. – Звоню тебе по сотовому с ее вершины.

– Поздравляю, – сказал Стивен. – Это случайно не Попокатепетль? Или ты открыл универмаг на Маттерхорне?

В минувшие годы я сколотил умеренный капиталец на недвижимости, и по причинам, которые остаются для меня не вполне ясными, это уязвляет моего брата. Его не назовешь истово верующим, но он считает себя глубоко порядочным человеком, умеющим приносить жертвы ради высших жизненных ценностей. Насколько мне известны его жизненные ценности, они сводятся к поеданию ящиками китайской лапши, сексу с некрасивой женщиной примерно раз в пятнадцать лет и надуванию щек перед людьми вроде меня – теми, кому удалось чего-то достичь и от кого не несет за милю шмотками из секонд-хенда.

Я люблю Стивена, потому что из родных у меня больше никого нет. Наш отец умер от сердечного приступа, когда мне было десять, а брату – семь. Мать убило спиртное, когда я еще учился в колледже, и примерно тогда же наши со Стивеном дорожки начали расходиться в разные стороны. Стивен вбил в голову, что ему суждено снискать лавры великого пианиста, и все время либо играл свои этюды, либо ныл, что зря этого не делает. Большого таланта у него не было, но фортепиано позволяло ему спрятаться от мира, который казался брату сложным и малопривлекательным и испытывал приблизительно те же чувства по отношению к нему.

В отличие от него я всегда принимал жизнь такой, как она есть, со всеми ее изысками и несовершенствами, и считал, что если ты намерен чего-нибудь в ней добиться, то не надо изображать из себя снулую рыбу.

Я рано женился и повторял эту процедуру неоднократно. Первую сделку я заключил в восемнадцать. Теперь, в сорок два, у меня за плечами была парочка мирных разводов. Я жил и добра наживал в девяти американских городах.

Поздно ночью, когда покой не приходит и меня начинают точить сожаления о том, что моя активность стоила кое-каких традиционных житейских благ (длительной близости, потомства, привычного гнезда), я пускаюсь в астральное путешествие по сотням объектов недвижимости, прошедших через мои руки за все эти годы. Я размышляю о тех людях – пусть их немного, зато они мне благодарны, – которые сделали местом своего обитания или источником дохода постройки, чью скрытую ценность мне удалось распознать первым, и паника отступает. Тревога, сжимающая легкие, как шотландец волынку, ослабляет хватку, и я умиротворенно погружаюсь в сон.

Свою часть наследства Стивен истратил на музыкальное училище, решив стать композитором. Те его сочинения, которые я слышал, нагоняли тоску – такие хорошо слушать в машине с включенным двигателем и шлангом, проведенным в салон от выхлопной трубы, но напевать их под нос никто не станет. Когда выяснилось, что ни один оркестр не хочет ничего заказывать Стивену, он, как истинный художник, впал в депрессию и отправился в изгнание в Юджин, Орегон, чтобы полировать там свои опусы и добывать скудные средства к существованию, обучая умственно отсталых играть на губной гармошке с целью обретения психического здоровья.

Два года назад после конференции в Сиэтле я навестил брата и обнаружил, что он живет в убогой квартирке над свечным магазинчиком на пару с умирающей колли. Собака уже не могла сама справлять нужду, и Стивену приходилось сволакивать ее на травянистую обочину тротуара, а потом вручную опорожнять ей мочевого пузыря с помощью массажа – душераздирающее зрелище, особенно если вы смотрите, как этим занимается ваш единственный родственник.

Я сказал Стивену, что с деловой точки зрения ему следует подвергнуть несчастное животное эвтаназии. Из-за этого разгорелся жуткий скандал, хотя, по-моему, было совершенно очевидно, что если человек регулярно тискает у порога своего дома полудохлую псину, мало кому захочется брать у него уроки музыки или спрашивать, как излечиться от полоумия.

– У моей горы пока нет имени, – сказал ему я. – Слушай, а назову-ка я ее в твою честь! Пускай она будет ЛЫГОН-гора! – Семейная шутка – акроним, означающий “Лысый и говна нанюхался”. Стивен начал терять волосы сразу после двадцати лет, а его вздернутый кверху нос придает лицу брезгливое выражение, как будто он все время страдает от дурного запаха.

Стивен испустил сухой смешок.

– Давай-давай. Ладно, пока.

– Стой. Я пришлю тебе фотки своей хижины. С электричеством от ветряной мельницы. Ты такого в жизни не видал. Приезжай, сам посмотришь.

– А как же Чарлстон? Как Аманда?

Я выплюнул на ладонь лаймовую корочку и подбросил вверх, чтобы проверить, не клюнут ли на нее летучие мыши. Они не клюнули.

– Без понятия.

– Шутишь? Что у вас стряслось? – В его голосе появилась профессиональная докторская солидность. Вопли насилуемого тамбурина на заднем плане стали затихать.

Я не стыжусь признаться, что переживал тогда не лучший период. Меня, как и множество других опытных и уважаемых людей, застали врасплох внезапные потрясения на чарлстонском рынке недвижимости. Мне пришлось занять некоторую сумму наличными у своей бывшей невесты, богатой женщины, которая не думала о деньгах, пока никто не трогал ее кошелек. У нас начались трения, и свадьба расстроилась. Последние свои средства я употребил на покупку холма, на чьей гордой вершине находился в настоящий момент. Четыреста акров плюс домик, почти достроенный стараниями моего замечательного соседа Джорджа Таббарда – кстати, он же и продал мне землю. Единственной неприятностью было то, что предстояло провести здесь год – но следующей осенью я планировал разбить участок на куски, распродать их, уклонившись от грабительского налога, который в этом штате драли с нерезидентов, и пуститься в новое житейское плавание с парусами, туго надутыми ветром прибыли, и загородным домиком в придачу.

– Ничего не стряслось, – ответил я. – Она была туговата на ухо, и из дырки у нее попыхивало. Зато мне достался за гроши отличный ломоть девственной Америки. Так что валяй, приезжай.

– Мне сейчас не очень удобно, – сказал он. – Да и билет дорогой. И вообще, Мэтью, у меня клиент! Давай после поговорим.

– Плевать на билет, – сказал я. – Лети за мой счет. Приглашаю тебя в гости.

Честно говоря, я не собирался делать такое предложение. На банковском счете Стивена наверняка было больше денег, чем на моем, но его нытье всегда так меня бесило, что я просто не мог бороться с желанием немедленно хлопнуть его по башке мешком с дублонами. Тогда он сказал, что не может бросить Беатриче (колли была еще жива!). Ладно, сказал я, если он найдет заведение, где ее будут доить и кормить с ложечки, я оплачу и эти услуги. Он сказал, что подумает. Потом в трубке загрохотала маримба, и Стивен дал отбой.

Разговор со Стивеном выбил меня из колеи, и я пошел обратно, чувствуя глухое раздражение. Однако мне сразу стало веселее, когда я увидел на крыльце, пока наполовину состоящем из голых брусьев, своего соседа и приятеля Джорджа Таббарда. Он стоял на лестнице и приколачивал к балясине над дверью новую резную штуковину.

– Привет, кореш, – сказал он. – Я соскучился и изваял тебе еще одну безделушечку.

Конечно, он не был незванным гостем. Мы с ним чуть ли не каждый день вместе трудились над моим домом и чуть ли не каждый вечер вместе ужинали.

Джорджу давно перевалило за шестьдесят, но он был слеплен из того же теста, что и я. Его предки жили в этих краях с середины XIX века, а сам он имел за плечами пару-тройку жен, породил горстку наследников и вдоволь поскитался по белу свету, прежде чем уйти на покой и осесть здесь с десяток лет назад. Он построил мою хижину практически целиком и не выражал недовольства, получая от меня посильное вознаграждение, хотя в городе запросто мог бы зарабатывать вдвое больше. Но даже больше, чем его усилия, я ценил его компанию, действующую как мягкий наркотик. Он пил, шутил и готов был убивать целые вечера трепом о бабах, бензопилах и об особенностях ведения хозяйства в лесной глуши, словно в жизни просто не существовало других достойных обсуждения тем.

Пара взвизгов шуруповерта – и он зафиксировал свое творение, четырехфутовую гирлянду деревянных помпончиков вроде тех, какие можно увидеть над приборной панелью в машине мексиканского наркодилера. Первое из его изделий я встретил с радостью, однако в дальнейшем Джордж изукрасил своими резными фантазиями все карнизы и балки моего жилища. Он приносил очередную поделку примерно раз в три дня, и вскоре мой дом стал напоминать то, что люди дарят любовницам, отправляясь с ними на уикэнд в дешевый мотель. Но падать в обморок при виде такого великолепия здесь было некому, и я не видел в художественных экзерсисах Джорджа особого вреда. Впрочем, иногда меня все же слегка пугала мысль, что я вынужден буду жить в кружевном аду, пока Джордж не переедет или не отдаст богу душу.

– Ну вот, – сказал он, отклоняясь назад, дабы полнее насладиться зрелищем. – Симпатичная получилась херовинка, не находишь?

– Я в экстазе, Джордж. Спасибо.

– Может, сыграем в нарды?

– Давай.

Я пошел внутрь и взял доску, ром и банку с оливками, которыми сегодня запасся в магазине. Джордж был безжалостным противником, а игра – шумным и бессмысленным занятием, но мы по многу часов кряду сидели на вечернем холодке, попивая ром, стуча лакированными фишками и сплевывая оливковые косточки за перила, где они беззвучно пропадали в темноте.

К моему удивлению, Стивен перезвонил и сказал, что готов приехать. Мы договорились о дате – через две недели.

До поселка Эйден, где находился аэропорт, было час двадцать минут езды, но, когда мы с Джорджем туда добрались, Стивен еще не прилетел.

Я зашел в сарай из гофрированного железа, который служил терминалом. Маленькая женщина в коричневой куртке-бомбер и с шаром седых волос на голове сидела около радио-

приемника, читая местную газету. Я уже с десятков раз летал сюда и отсюда, но она ничем не показала, что узнала меня, – похоже, так было принято в здешних краях. Эта намеренная нелюбезность, пожалуй, имела кое-какой практический смысл. Возьмись пожимать руки каждому встречному-поперечному, и очень скоро у тебя появится такая тьма друзей, что едва высунешь нос из дому, как об этом услышит весь округ. И все же меня слегка угнетала необходимость жить среди приличных на вид людей с манерами портовых грузчиков.

– Мой брат должен был прилететь из Бангора в одиннадцать, – сказал я ей.

– Самолета еще нет, – ответила она.

– Я вижу. А где он?

– В Бангоре.

– И когда прилетит?

– Если б я знала, чего бы я, по-вашему, тут торчала?

Затем она вернулась к газете, положив конец разговору. На первой странице “Арустукских вестей” была фотография мертвого чау-чау под заголовком “Загадочное животное найдено мертвым в Пайнмонте”.

– Очень загадочное, – сказал я. – Тайна дохлой собаки.

– Здесь написано “неизвестного происхождения”.

– Это собака, чау-чау, – сказал я.

– Неизвестного, – повторила женщина.

Надо было как-то убить время, и мы поехали на эйденскую лесопилку, где я наполнил кузов досками для обшивки веранды.

Потом вернулись в аэропорт. Самолета еще не было. Джордж не выдвигал никаких претензий, но ему, конечно, не нравилось, что он застрял здесь со мной. Я знал, что сегодня он собирался на охоту. Джордж был твердо намерен раздобыть оленя прежде, чем погода превратит любой выход на лесной промысел в сплошное мучение. В этих местах считалось, что набить морозильник мясом зверей и птиц, убитых собственными руками, – осенний ритуал, от которого не имеет права уклониться ни один уважающий себя мужчина, и на протяжении всего охотничьего сезона мы с Джорджем отправлялись в лес по два раза в неделю. Я практически в упор отстрелил голову ледащему гусю, но пока это была наша единственная добыча. На мое предложение купить в мясной лавке половину говяжьей туши или что-нибудь вроде того Джордж отреагировал так, словно я предложил ему что-то совершенно аморальное. Свежати́на гораздо вкуснее покупной дряни, обиженно заявил он. Вдобавок, если твой морозильник опустошат похитители мяса, а такая перспектива вполне реальна для тех, кто живет на отшибе, ты не потеряешь кучу денег.

Чтобы поднять Джорджу настроение, я пригласил его на ланч за мой счет в эйденской таверне. Мы съели по гамбургеру и выпили по три порции виски с лимонным соком. Вслух Джордж не жаловался, хотя то и дело поднимал брови, глядя на часы, и выпускал болезненные вздохи. Я тоже начинал злиться на Стивена за то, что он не предупредил меня о задержке рейса по телефону. Он был из тех, кто способен без малейших угрызений совести загубить вам целое утро, если это поможет ему сэкономить стоимость одного междугородного звонка.

Я был погружен в эти мрачные мысли, когда бармен спросил, не надо ли мне еще чего-нибудь.

– Да, текилу со сливками, – ответил я.

– Вы хотели сказать, калуа со сливками, – возразил он и был прав, но благодаря Стивену и той женщине в аэропорту я уже натерпелся унижений.

– Может, вы сделаете, что вас просят? – огрызнулся я, и он пошел за стойку.

Когда я проглотил ужасную смесь, бармен, ухмыляясь, предложил повторить за счет заведения.

Снова вернувшись в аэропорт, мы обнаружили, что самолет уже прилетел и улетел.

Сеял мелкий дождик. Стивен сидел у ворот, на краю канавы, примостившись на своей сумке и подперев подбородок кулаком. С тех пор как я видел его в последний раз, он успел похудеть еще сильнее, а под глазами были фиолетовые круги. Мокрые остатки волос, прилепившиеся к лысине, придавали ему жалкий вид. Его шерстяное пальто и вельветовые штаны в крупный рубчик давно отслужили свое и к тому же отвратительно сидели. Под порывами ветра одежда надувалась, как брезент на плохо упакованном грузе.

– Привет, – окликнул его я.

Он обжег меня взглядом.

– Какого черта, Мэтью? – сказал он. – Я всю ночь не спал, чтобы просидеть два часа в канаве? По-твоему, это нормально?

– Я приехал три часа назад, – объяснил я. – У меня на сегодня были планы, Стивен. А теперь Джордж набрался, у меня тоже глаза слипаются, и весь день псу под хвост.

– Очень хорошо, – сказал Стивен. – Я специально попросил задержать самолет, чтобы тебе напакостит.

– Я только говорю, дубина, что ты легко мог бы позвонить.

– Вот что, урод, – прошипел Стивен, – ты ведь знаешь, я телефонами не торгую. Это же ты у нас... предприниматель хренов. Я не знал, что тебе нужны специальные инструкции, чтобы не оставлять человека под дождем.

Я хотел сказать, что Стивену ничего не стоило подождать в домике из гофрированного железа, в компании седой женщины и приемника, но у меня забрезжило подозрение, что так оно и было. Скорее всего, он увидел оттуда, как я подъезжаю, и устроился в канаве с расчетом меня устыдить. Однако зрелище и вправду было печальное. Он дрожал, а щеки и лоб вспухли от укусов крупных морозостойких комаров, которые водились здесь в изобилии. В настоящий момент один из них насыщался на мочке его уха. Брюшко насекомого сверкало на холодном белом свете, как гранатовое зернышко, но я не стал его смахивать.

– А ты поплачь, Стивен, – посоветовал я. – Побесись как следует, авось полегчает.

Для примера я похныкал, и лицо брата посерело.

– Ладно, скотина, я улетаю. – Его голос был хриплым от ярости. – Поездочка удалась. Рад, что ты все такая же сволочь, Мэтью. Счастливо оставаться, козел.

Он вскинул на плечо сумку и ринулся на летное поле. Крошечная головка, хлюпающие ботинки – ни дать ни взять утенок, закативший истерику.

Старое удовлетворение захлестнуло меня волной. Я потрусил за Стивеном и сорвал сумку с его плеча. Когда брат обернулся, я крепко стиснул его в объятиях и поцеловал в лоб.

– Отвали, – сказал он.

– Это кто такой сердитый? – заворковал я. – Кто у нас такой сердитый малыш?

– Я, а ты подонок, – сказал он.

– Да-да, ясное дело. Ну давай. Лезь в машину.

– Отдай сумку, – сказал он. – Я уезжаю.

– Не идиотничай, – посмеиваясь, сказал я.

Подойдя к машине, я сдвинул переднее кресло, чтобы Стивен мог забраться назад. Когда Стивен увидел, что мы не одни, он перестал хвататься за сумку и угрожать, что уедет. Я познакомил его с Джорджем. Потом брат устроился на заднем сиденье, и мы покатали по дороге.

– Это ведь дедушкино ружье? – спросил Стивен. Сзади, в деревянной раме, лежала трехсотка “Уэзерби Магнум”, которую я взял из дома нашего деда несколько лет назад. Это была прекрасная вещь с ложем из тигрового клена и стволом, отливающим синевой.

– Ага, – сказал я, ожидая обвинения в том, что умыкнул ружье без его ведома, и уже готовясь защищаться.

Стивен, наверное, не стрелял лет пятнадцать, но, честно говоря, прав на эту винтовку у него было больше, чем у меня. В детстве мы часто ходили с дедом на охоту, и Стивен всегда терпеливее выслеживал дичь и лучше стрелял, хотя и не хвастался этим передо мной. Но сейчас он не стал поднимать шум из-за ружья.

– Да, кстати, – сказал он немного погодя. – Общая сумма – восемьсот восемьдесят.

– Какая сумма? – спросил я.

– Восемьсот восемьдесят долларов, – повторил Стивен. – Цена билета плюс присмотр за Беатриче.

– Это ваша дочь? – спросил Джордж.

– Собака, – ответил Стивен.

– Джордж, – сказал я, – это собака, которая помнит, как убивали Кеннеди. Ты что, до сих пор прокачиваешь ей кишки, Стивен? Вообще-то не говори. Не хочу это заново представлять.

– Я хотел бы получить свои деньги, – сказал Стивен.

– Не гони волну, Стив. Тебе заплатят.

– Отлично. Когда?

– Господи ты боже мой, да заплачу я тебе, Стивен, – сказал я. – Просто сложилось так, что в данный конкретный момент я сижу за рулем автомобиля, неужто не видно?

– Видно, видно, – ответил Стивен. – Я только хочу сказать, что ни капли не удивлюсь, если приеду домой с пустыми руками.

– Черт бы тебя драл! – взвыл я. – Заткнись же ты наконец! Тебе что, залог выдать? Мои часы тебя устроят? – Я легонько тряхнул руль. – А может, лучше я возьму да врежусь в ближайшее дерево? Как тебе это понравится, дебил?

Джордж засмеялся с одышливым музыкальным присвистом.

– Рекомендую вам вылезти и подраться на обочине. Тогда будет ясно, кто из вас прав.

Я покраснел. Вынудить меня показать перед Джорджем эту идиотскую сторону моего характера... Мое отвращение к Стивену получило дополнительную подпитку.

– Извини, Джордж, – сказал я.

– Ладно, забудем, – сказал Стивен.

– Нет уж, Стив, давай решим эту проблему раз и навсегда, – возразил я. – Джордж, достань из бардачка мою чековую книжку, пожалуйста.

Джордж заполнил чек, а я подписал его прямо на рулевом колесе и отдал брату. Тот сложил его и спрятал в карман.

– Нуаля, – сказал Джордж. – Мир восстановлен.

Посрамленный в истории с чеком, Стивен обрушил на Джорджа град бессмысленных светских вопросов. Долго ли он тут живет? Целых десять лет? Поразительно – какой чудесный уголок страны для того, чтобы уйти на покой! А что, он здесь и вырос? До чего же ему повезло – не то что нам, которые провели детство в гнетущей атмосфере стандартного жилого пригорода! А в Сиракьюсе Джорджу доводилось бывать? Слышал он о Нильсе Отерарде, биографе знаменитых музыкантов, который там преподает? Так вот, его книга о Гершвине...

– Эй, Стивен, – вмешался я, – ты ничего не сказал о моей новой машине.

– Во сколько она тебе обошлась?

– Лучшей тачки у меня никогда не было, – сказал я. – Движок вэ-восемь, пятилитровый. Сцепное устройство четвертого класса, намертво приварено к раме – буксировочная мощность три с половиной тонны. Полный привод, максимальная комплектация. Когда ляжет снег, все это окупится вдвое.

– Ты правда не собираешься возвращаться в Чарлстон? – спросил он.

– Пока нет. – Я услышал, как Стивен открыл крышку холодильничка, потом пшикнула банка с пивом. – Дай мне тоже, – попросил я.

– И мне, – сказал Джордж.

– За рулем? – спросил Стивен.

– Да, твою мать, за рулем! – сказал я.

– Не ори на меня, – сказал Стивен.

– Я не ору, – сказал я. – Просто хочу выпить пива.

– Елки-палки, – сказал Джордж. Повернувшись, он дотянулся до холодильничка, взял две банки и кинул одну мне на колени. – Теперь мы довольны?

– Да, – сказал я.

Прошла минута, и Стивен опять подал голос.

– Значит, у вас с Амандой правда все?

– Ага.

– Надо же, – сказал Стивен, – а я думал, ты от нее без ума.

Стивен никогда не скрывал неприязни к моей невесте. Аманда была ревностная прихотливая из консервативной семьи, и, когда они встретились в последний раз, у них завязался спор об Ираке. Дело было за ужином, и Стивен спровоцировал ее на заявление, что весь Ближний Восток давно пора разбомбить вдребезги. Он спросил, как эта тактика сочетается с “Не убий”. Аманда ответила, что заповедь “Не убий” из Ветхого Завета, так что ее можно не считать.

В зеркальце над приборной доской я видел, как Стивен смотрит на меня с жалостью и нетерпением, явно надеясь услышать еще что-нибудь интересненькое о нашей размолвке. Я взял лежащий под рукой кулек с семечками и высыпал в рот хорошую порцию. Перемолов семечки зубами, выплюнул шелуху в окно.

– Честно говоря, – сказал я брату, – не вижу смысла в покупке автомобиля, у которого нет приваренного к раме сцепного устройства четвертого класса.

Наступило молчание. Мы ехали по унылым трассам, которые ветвились по высокогорной глухомани, а потом свернули на ребристый и колдобистый проселок, ведущий в наши с Джорджем земли. На его хребте между колеями росла высокая трава – она шуршала по днищу, как осенний дождь. Мы миновали симпатичный кедровый домишко Джорджа, я включил привод на четыре колеса, и мой “Додж”, ворча, полез в гору.

Впереди показалась моя хижина. Я думал, что Стивен станет язвить по поводу ее кружевных декораций, но он не обронил ни слова.

Джордж отлучился по надобности. Я взял сумку Стивена и повел его в дом. Несмотря на внешнюю отделку в стиле позднего рококо, внутри он выглядел попросту недостроенным. Глядя, как Стивен озирается, я сам остро почувствовал убожество жилища. Под ногами были пыльные листы фанеры. Стены я не успел обшить панелями. Гипсокартон кончался в четырех футах от пола, и розовый изоляционный материал выглядывал из-под дымчатого пластикового покрытия, как труп, подготовленный к аутопсии. Посреди комнаты валялся матрас, на котором я спал.

– Когда будешь писать мне рождественскую открытку, можешь тоже что-нибудь приукрасить, – сказал я.

Он подошел к окну и поглядел на облетевшие деревья, покрывающие склоны долины путаной колючей проволокой. Затем обернулся и посмотрел на матрас.

– А где моя лежанка? – спросил он.

Я кивнул на скатанный спальный мешок в углу.

– Ты не говорил, что я буду жить в походных условиях.

– Если это ниже твоего достоинства, могу отвезти в мотель.

– Нет-нет, что ты! У тебя шикарно. Честно. Я ожидал чего-то вроде блочного шале с джакузи величиной с бассейн и гаражом на четыре машины. А тут так мило. Скромно.

Носком ботинка я отодвинул к стене горку опилок, и оттуда вывалился кусок серебряного припоя – дорогая штука. Я поднял его и сунул в карман.

– Когда приедешь в следующий раз, я разденусь и залезу в бочку, – сказал я. – Тогда ты действительно сможешь мной гордиться.

– Нет, я серьезно. Я бы за такое что хочешь отдал, – сказал он и, подняв руку, провел пальцами по гладкой стропилине. – Ей-богу, Мэтью, мне ведь через месяц уже сорок стукнет. А я снимаю двухкомнатную дыру без раковины в ванной.

– Все ту же?

– Ну да, – ответил он.

– Брось, – сказал я. – А как же квартирка в новом комплексе, к которой ты приценивался?

– Прицениваться-то приценивался, но потом этот ипотечный кризис... – сказал Стивен. – Просто не хочу, чтоб меня облапошили.

– Слушай, чудак, чего ты мне-то не позвонил? Они еще продаются?

– Уже нет.

– А дедовы деньги, твоя доля? Их хватит на первый взнос?

Он кивнул.

– Вот что, когда вернешься в Орегон, мы тебе что-нибудь найдем. Оглянись там, пришли мне какие есть предложения, я помогу разобраться. Мы тебе подыщем нормальную хату.

Стивен посмотрел на меня с опаской и сомнением, будто я предложил стакан с лимонадом и он не был уверен, что я туда не помочился.

Я хотел доделать крыльцо до темноты и сказал Стивену, что мы с Джорджем займемся этим, а он пока может взять выпивку и пойти на вершину – там подвешен гамак. Но Стивен сказал, что он с удовольствием помашет молотком часок-другой.

Мы разгрузили доски, и они с Джорджем принялись за работу, а я ушел в дом и начал промазывать светлые листы рифленой панели золотистой морилкой “Минвакс”. Всякий раз, выглядывая наружу, я видел, как Стивен совершает надругательство над крыльцом. Забивая гвозди, он гнул каждый третий, а потом калечил покрытие, выдирая их гвоздодером. Я знал, что в эти вмятины будет просачиваться вода и дерево начнет гнить, но Стивен трудился в охотку, и я не стал его трогать.

Через закрытые окна было слышно, как Джордж со Стивеном болтают и смеются. Прожив здесь несколько месяцев, я привык к тишине, и теперь она мне даже нравилась. Но меня все равно согревали долетающие с крыльца голоса, хотя где-то в глубине души шевелилось подозрение, что они смеются надо мной.

Когда Джордж и Стивен приколотили все доски, наступили сумерки. Мы вместе отправились к крошечному пруду, который я сделал, запрудив ручей позади дома. Там мы сбросили одежду, плюхнулись в восхитительно черную воду и, фыркая, поплыли в разные стороны. “Ах, ах, ах, до чего ж хорошо!” – восклицал Стивен с таким животным упоением, что мне стало его жалко. Но это было прекрасно – небо и вода слились в единую апокалипсическую тьму, и мы парили в ней, пока не онемели, как настоящие мертвецы.

Вернувшись домой, я приготовил этак с галлон бефстроганов, посолив его по методу Джорджа – так круто, чтобы на глаза наворачивались слезы.

Благодаря удачному спазму Гольфстрима сюда пришло ночное тепло, и мы с комфортом поужинали на свежешитом крыльце. По ходу дела мы употребили две бутылки вина и полпинты джина. Когда настал черед кофе с коньяком и черничного пирога, который Джордж принес из своего дома, на крыльце было уже столько дружелюбия, что хоть топор вешай.

– Нет, ты глянь, – сказал Стивен, топая по одной из только что прибитых досок. – Черт возьми, я десять лет работаю с клиентами, и какой им с этого прок? Не знаю. Но постучи два часа молотком – и у тебя уже есть на чем стоять. Вот он, результат. Вот чем мне надо заниматься. Перееду-ка я сюда. Поселюсь на холме и буду кайфовать.

– Вообще-то я рад, что ты поднял эту тему, – сказал я. – Сколько там у тебя осталось от наследства?

Он жеманно пожал плечами.

– Ну-ну? Штук двадцать пять примерно?

– Пожалуй, – сказал он.

– Я почему спрашиваю, – сказал я, – потому что есть предложение.

– Угу.

– Я вот о чем: прикинь, сколько на свете людей вроде нас, вроде меня? Хотя бы приблизительно?

– Что значит “вроде нас”? – спросил Стивен.

И я стал разворачивать перед ним картину, которая давно маячила у меня в голове и казалась особенно привлекательной после обильно сдобренного выпивкой ужина, когда мое восхищение этой землей, звездным небом и огромными лягушками в моем пруду достигло максимума. Я думал о легионах наших грустных, начинающих полнеть собратьев, которые ежедневно меряют шагами снятые внаем квартирки по всей Америке, от Спокейна до Чаттануги, и страстно мечтают о собственном укромном уголке. Я собирался протянуть им руку помощи. Идея была проста. Я даю на последних страницах мужских журналов рекламу о продаже одно-акровых участков, строю несколько стандартных домиков, сам беру подряды на другие, ставлю тир, прокладываю трассы для мотосаней, добавляю маленький бар на вершине – и они повалят сюда толпой, наши новые друзья, захватив с собой пару миллиончиков на мою безбедную старость!

– Ну, не знаю, – промямлил Стивен, плеснув себе очередную щедрую порцию бренди.

– Чего ты не знаешь? – сказал я. – Давай свои двадцать пять штук, и я возьму тебя в долю. Получишь столько же, сколько остальные вкладчики за пятьдесят.

– Кто это – остальные? – спросил Стивен.

– Рей Лотон, – соврал я. – Лотон, Эд Хейз и Дэн Уэлш. Ты что, не въехал? Я могу взять тебя даже с двадцатью пятью. Вложишь свои двадцать пять и получишь равную долю со всеми.

– Звучит, конечно, здорово, – сказал Стивен. – Но мне с этими деньгами надо поосторожнее. Это ведь все мои сбережения.

– Черт возьми, Стивен, я хочу тебе кое-что объяснить. Я *делаю* на этом деньги, – сказал я. – Я беру землю и немного денег, а потом превращаю их в целую прорву денег. Понимаешь? Вот что я делаю, а я очень хорошо умею это делать. Все, чего я прошу, – это просто *занять* у тебя твои двадцать пять штук этак на месячишко, а взамен даю тебе шанс кардинально изменить всю свою жизнь.

– Не могу, – ответил он.

– Ладно, а сколько можешь? Десять? За полный пай? Десять тысяч можешь вложить?

– Послушай, Мэтью...

– Пять? Три? Две тысячи?

– Да постой...

– Как насчет восьми сотен или, к примеру, двух? На две ты можешь подняться. Или это тебя разорит?

– Две сотни будет в самый раз, – ответил Стивен. – Считай, что за эти деньги я твой.

– Пошел ты, – сказал я.

– Хватит, Мэтью, – вмешался Джордж. – Охолони.

– Я спокоен как никогда, – сказал я.

– А, по-моему, тебя несет, – возразил Джордж. – И вообще, нечего препираться попусту. Эта твоя затея с ранчо для придурков все равно не прокатит.

– Почему?

– Во-первых, округ никогда не позволит строиться на водосборной площади. Десятиакровая полоса...

– Я уже говорил с ними насчет допуска. Они запросто...

– А во-вторых, я переехал сюда не для того, чтобы жить в толпе раздолбаев.

– Извини, Джордж, но речь же не о твоей земле.

– Понятно, Мэтью, – сказал Джордж. – Я только говорю, что если ты накромсаешь этот холм на дольки и натащишь сюда разных кретинов из Бостона, очень может статься, что как-нибудь вечером, в межсезонье, я малость переберу пива и захочу наведаться в твою коммуну с канистрой керосина под мышкой.

Джордж вперился в меня неестественно свирепым взглядом, как актер на сцене захудалого театра.

– Зачем тебе керосин, Джордж? Вполне достаточно молотка с гвоздями, – сказал я, повернувшись и махнув рукой на резные финтифлюшки над входом. – Просто загляни сюда ночью и соверши рейд с лобзиком. Преврати все дома в гигантские кружевные салфетки, и их обитатели мигом разбегутся куда глаза глядят.

Я расхохотался и продолжал хохотать, пока живот не заболел, а на подбородке не задрожали слезы. Снова посмотрев на Джорджа, я увидел, что его губы сжаты в плотную маленькую черту. Он явно очень ценил свои ремесленные таланты. Мне стало неловко. Я еще держал в руке тарелку из-под пирога и вдруг неожиданно для себя самого швырнул ее в кусты. Раздался треск без утешительного звона разбитого фаянса.

– Зараза, – сказал я.

– Что? – спросил Стивен.

– Ничего, – ответил я. – Что за поганая жизнь!

Потом я ушел в хижину, лег на матрас и скоро заснул крепким и глубоким сном.

Я проснулся в начале четвертого. Пить хотелось, как отравленной крысе, но я лежал, парализованный опасением, что прошлепать к раковине – значит прогнать сон насовсем. Сердце колошматилось в груди. Я подумал о спектакле, который устроил на крыльце, и о хорошей толстой веревке с петлей – как она раскачивается, поскрипывая. Подумал об Аманде и о двух своих бывших женах. О своей первой машине, у которой заклинило двигатель, потому что я не прошел техосмотр, когда накачал сто тысяч миль. О том, как два дня назад проиграл Джорджу в криббидж тридцать долларов. О том, как после смерти отца по уже забытым мною причинам перестал носить исподнее и как-то в школе узнал о дырке на заднице своих штанов благодаря холодной заклепке в стуле. Я подумал обо всех, кому задолжал деньги, и обо всех, кто задолжал мне. Я подумал о нас со Стивеном, и о детях, которых мы так до сих пор и не произвели, и о том, что если мне все же удастся запихнуть в кого-нибудь свой генетический материал – а вероятность этого неуклонно уменьшается, – то к моменту, когда наш малыш научится завязывать шнурки, его папаша превратится в краснорожего пятидесятилетнего полустарика и будет высасывать из своего отпрыска восторг и невинность с жадностью скитальца, нашедшего в пустыне апельсин.

Я хотел, чтобы встало солнце, хотел сварить кофе, отправиться в лес и выследить вожака оленя, хотел вернуться к плетению из бессмысленных мелких действий той циновки, которой все труднее становилось прикрывать полную сожалений яму, притягивающую взгляд бессонными ночами. Но солнце не торопилось. И пестрые кадры в голове продолжали сменять друг друга до самого рассвета, а звуковой дорожкой для них служила утешительная музыка петли: *скрип-скрип, скрип-скрип, скрип-скрип*.

Я встал, как только в восточных окнах забрезжили первые розовые лучи. Воздух в хижине загустил от холода. На запасном матрасе Стивена не было. Я надел ботинки, джинсы и холщовую парку, налил в термос горячего кофе и поехал к домику Джорджа, отстоящему от моего на четверть мили.

У Джорджа горел свет. Сам он делал приседания, а Стивен пек вафли на завтрак. Счастливая парочка! На кухонном столе пыхла кофеварка, и я со своим термосом в шотландскую клетку почувствовал себя лишним.

– Салют, – поздоровался я.

– А вот и он, – сказал Стивен.

Потом он объяснил, что спал у Джорджа на диване. Вчера они допоздна засиделись за нардами. Он сунул мне вафлю, излучая прямо-таки миссионерские благожелательность и великодушие.

– Ну что, Джордж, – сказал я, когда старик покончил с зарядкой. – Поедем постреляем? Он потер искорку пирита в одном из печных камней.

– Можно. – И взглянул на Стивена. – Ты с нами, маленький братец?

– У меня для него ружья нет, – сказал я.

– Могу дать ему свою запасную тридцатку, – ответил Джордж.

– Не возражаю, – сказал Стивен.

Посоветовавшись, мы выбрали местом назначения Пиджин-лейк – решили, что переплывем озеро, чтобы добраться до хвойного леса на дальнем берегу.

Мы поели, прицепили к моему “Доджу” прицеп с лодкой Джорджа и покатили по тряской дороге, окутанной белым туманом.

Мы спустили лодку на воду. Я сел на корме, подальше от брата, и мы понеслись вдоль берега на север, мимо бесконечных зарослей камыша и горбатых массивов розового гранита, облитых ярким рыжим солнцем и оттого похожих на рубленую солонину.

Джордж причалил в илистом закутке, где, по его словам, ему когда-то улыбалось счастье. Мы привязали лодку и отправились в лес.

Меня мучило тяжелое похмелье. Я чувствовал себя отсыревшим и нечистым; жизнь казалась конченной, и я не мог сосредоточиться ни на чем, кроме видения прохладной постели со свежими простынями и стакана ледяной газировки с ли моном.

Первым на след оленя напал Стивен: он заметил под молодой сосенкой, ободранной рогами самца до оранжевого мяса, кучку его испражнений. Придя в восторг от находки, он набрал горсть какашек и принес их Джорджу, а тот обнюхал темные комочки с такой жадностью, что на миг мне почудилось, будто он вот-вот их съест.

– Свеженькие, – сказал Стивен, который не охотился со старших классов школы.

– Наверное, почуял нас и удрал, – сказал Джордж. – Хороший глаз, Стив.

– Просто повезло, – возразил Стивен. – Бывает.

Потом Джордж нашел лабаз – помост из жердей, про который он знал, – и залез туда, а мы со Стивеном устроили засаду в чаще поблизости. Стонала гагара. Верещали белки.

– Эй, Мэтти, – сказал Стивен. – Я насчет вчерашнего вечера.

– Может, не будем? Я уже выкинул это из головы.

– Нет, правда. Насчет того, что ты говорил, – чтобы мне вложить сюда деньги. Надо бы обдумать, я так считаю.

– Как хочешь.

– Я в смысле, что необязательно же строить здесь мужской лагерь, а вообще. Купить клочок земли. Джордж говорил, он продал тебе по девяносто долларов за акр.

– Нормальная рыночная цена, – ответил я.

– Да, конечно, я не об этом. В смысле, я бы всего за штуку мог купить целых одиннадцать акров, и еще осталось бы на домик.

– Допустим, но что ты здесь будешь делать? Как же твоя работа?

– А ты что делаешь? Буду ходить на охоту. Рубить дрова. Работать руками. Восстанавливать гармонию души и тела, слышал про такое? Я устал как собака, Мэтти. Я двадцать лет упираюсь рогом. Вкалываю без передышки и что имею? С месяц назад я заполнил анкету на сайте знакомств в Интернете. Там был вопрос: “Если бы вы были животным, то каким?” Я написал: “Шмелем, который пытается трахнуть мраморную статую”. И это правда. Гудишь, жужжишь, стараешься, а в ответ – ни хрена. Все без толку.

– Люди, которым ты помог, вряд ли так думают, – сказал я.

– Я не про занятия, – пояснил Стивен. – С этим любой справится. Даешь им стандартные упражнения, и все. Нет, я про музыку. Это все, что я делаю, Мэтти, – сочиняю. Никуда не выхожу. Ни с кем не встречаюсь. Только сижу в своей занюханной дыре и пишу. Все эти двадцать лет я мог бы колоть себе героин, и результат был бы тот же, разве что у меня за плечами было бы побольше впечатлений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.